

В ОДНОМ из номеров «Огонька» за 1991 год Василий Аксенов, описывая процедуру обсуждения «Метрополя» (нашумевшего в начале 70-х машинописного издания) на секретариате Московской писательской организации, сказал несколько слов о моем выступлении:

«Единственным человеком на этом солидном сборище (там было, пожалуй, не менее сорока писателей), который призвал не спешить с принятием заготовленной загодя резолюции (смысл ее заключался в том, что «Метрополь» — это инспирированная извне и организованная Аксеновым акция по подрыву Союза советских писателей), оказался критик Ал. Михайлов. Пару лет назад мы с ним встретились в Вашингтоне. Знаешь, сказал я ему, признаться, я был удивлен, что хоть один решил не замазываться. Эх, махнул рукой он, потом, «в рабочем порядке», я за все проголосовал, что требовалось».

Аксенов написал правду. По сути. А в подробностях все произошло вот

Лит. Россия. — 1996. — 17 мая.

с. 10.

АКСЕНОВ

В МОСКВЕ,

ВАШИНГТОНЕ И ФРУНЗЕ

как. Меня вызвали на секретариат (расширенное заседание) из Переделкина, где я в это время работал в Доме творчества. Обсуждение «Метрополя», его создателей и авторов шло в характерном для того времени тоне жесткой, со всеми политическими квалификациями проработки. В качестве аргументов фигурировало несколько цитат из сочинений, включенных в «Метрополь», в основном, кажется, из прозы Виктора Ерофеева. Цитаты были приведены несколькими писателями из рабочего секретариата, читавшими альманах. Остальные, не читавшие (подавляющее большинство!), пользовались ими с подачи читавших и на основании цитат произносили грозные политические обвинения.

Против этой методики я и возразил. Я говорил о том, что нельзя по вырванным из контекста цитатам судить о содержании, сути и стиле произведения, ссылаясь даже, помню, на «Тихий Дон», мол, там тоже есть такие места, которые вне контекста могут прозвучать похабно. Говорил о том, что нельзя обсуждать альманах, не почитав, не ознакомившись с ним, и призывал именно это и сделать: дать возможность прочитать каждому желающему и уж тогда оценивать.

Не помню уж, какими словами, но сразу же после моего выступления мне выговаривал Лазарь Карелин и кто-то еще. Заседание шло довольно бурно, грубо и бестолково, «подсудимые» были пришиблены грузом обвинительной риторики.

На следующий день в Переделкине, гуляя по «малому кругу», я услышал сзади машину, отошел в сторону. Машина обогнала меня и остановилась. Из нее вышел Аксенов. Поздоровались. Я очень хорошо помню его фразу: «Вчера ты был единственным человеком в этом зверинце». Я стал упрекать Аксенова за то, что они пытались устроить вернисаж «Метрополя» (по-нынешнему — презентацию) с приглашением иностранных корреспондентов, но обсуждать этот вопрос со мной он не стал, а лишь посетовал на обильные обвинения и некомпетентность всей этой процедуры.

Через несколько дней я узнал, что все-таки решили ознакомиться с содержанием «Метрополя» целый ряд писателей и устроили новое обсуждение. Не думаю, что на это решение повлияло мое выступление. Скорее всего, где-то «наверху», может быть, в ЦК, сообразили, что надо придать этой акции более благопристойный вид, привлечь для обсуждения известных писателей, а для этого надо с ними индивидуально поработать, создать соответствующую атмосферу. Узнал я и другое. Во время заседания секретариата велась парламентская стенограмма, то есть сразу после выступлений они расшифровывались, перепечатывались и поступали в главный штаб проведения операции — в секретариат СП СССР. Узнал я, что, прочитав текст моего выступления, сдержанный обычно Георгий Марков сильно разгневался и высказался в том духе, что напрасно, мол, этому человеку доверили журнал («Литератур-

ную учебу») и почему он до сих пор занимает «пост» вице-президента МАЛК (Международной ассоциации литературных критиков)...

Перед новым обсуждением была беседа с Ю.Н. Верченко, выслушал его осторожные советы. Что скрывать, не проявил храбрости, как, впрочем, и другие писатели, принявшие участие в этом акте. Прочитал стихи. Среди них были разные, были и вполне замечательные. Говорил я о стихах тенденциозно, выбрал что-то для критики. Вот это и было моим «голосованием», о котором вспоминает Аксенов в огоньковской статье, никакого поднятия рук не было. И это обсуждение, в общем, тоже носило характер судилища, только не такого оголтелого, как первое. Стенограмма этого обсуждения (сокращенная) не раз перепечатывалась. Но надо бы опубликовать и стенограмму первого обсуждения. Это очень поучительный документ, он обнажит методику вынесения обвинительных приговоров по сочинениям, которые никто или большинство не читали.

В. АКСЕНОВ

...А в Вашингтоне при мне произошел такой эпизод, о котором Аксенов тоже коротко написал. Встретились мы на приеме, который устроил американский ПЕН-клуб советским писателям. Первым среди нас увидел Аксенова Георгий Семенов и устремился к Василию Павловичу, широко распахнув свои могучие объятия. Я увидел, как к Аксенову, опираясь на палку, подходил Владимир Соколов. И, конечно, тоже поспешил к ним. Аксенов был рад встрече с земляками. Всегда сдержанный, немного ироничный, он и в этот раз не трепыхался от радости, тем более что за эти годы мы были отнюдь не первыми москвичами из литературного мира, с которыми он встречался в Америке. Но и не скрывал добрых чувств.

Начался довольно бестолковый разговор, обычный для таких неожиданных встреч, когда люди не видят много лет, сказать надо много, но что именно, с чего начать?.. Аксенов стоял у стены, мы около него полукругом, и вдруг между мною и Соколовым, чуть позади, возник Владимир Карпов и со словами: «Ну, и я тоже хочу поприветствовать вас, Василий Павлович, поздороваться с вами...» — широким жестом протянул ему руку. Аксенов даже отступил на шаг, заложил правую руку за спину, словно боясь, что она механически ответит на жест Карпова, и тут же отреагировал: «С вами — нет... Вам я не могу подать руки...» «Ну почему?..» — растерянно, но пытаясь сохранить внешнее спокойствие, пробормотал Карпов, так и застыв с протянутой рукой. «Вы же хотели расстрелять меня», — ответил Аксенов. — Призывали таких, как я, расстрелять... Нет, вам я не подаю руки». Я не видел в то время лица Карпова, он стоял хоть и рядом, но чуть сзади, рука его еще была протянута и беспомощно, как-то нелепо висела в воздухе. Аксенов, мне показалось, немного побледнел, мы, свидетели этой сцены, чувствовали себя, мягко говоря, стесненно, а Карпов какими-то неловкими словами выражал

удивление по поводу реплики Аксенова, что вроде он никогда такого не говорил, наконец опустил руку, что ж, мол, раз не хотите, дело ваше и т.п., — и отошел. И не сразу снялись напряжение и неловкость этой сцены. Потом, рассказывал мне Георгий Семенов, который изрядно где-то выпил с Карповым, Владимир Васильевич отказывался от слов насчет расстрела и просил передать Аксенову, что, несмотря ни на что, будет выступать за возвращение ему советского гражданства.

Василий Павлович подарил мне тогда свою книгу «Бумажный пейзаж», где в надписи вспоминает нашу встречу в Киргизии, во Фрунзе (ныне Бишкек). Я хорошо помню по крайней мере один вечер, проведенный там вместе. И еще кое-что другое.

Было это зимой 1965 года. Во Фрунзе проводилось совещание молодых писателей. В помощь киргизам была командирована СП СССР группа во главе с секретарем Петрусем Бровкой. В группу входили Василий Аксенов, Эдуард Шим и критик Владимир Пискунов. Я оказался там по другой причине — разбирался с наследием Молдо Клыча, которого киргизы то объявляли реакционером, то реабилитировали.

Бровка, видимо, побаивался, что его молодая бригада, и особенно Аксенов, один из популярнейших к тому

что он воскликнет: «Чур меня, чур!» Но Петр Устинович, с трудом преодолевая волнение и опять же оглядываясь на меня, начал убеждать Аксенова:

— Да что вы наговариваете на себя, Василий Павлович, да зачем вы так?..

А Аксенов, продлевая удовольствие и уже играя для всех нас, закручивал сюжет:

— Нет, нет, Петр Устинович, я не подхожу. У меня есть расхождения с коммунистической партией...

Слышать такие слова Бровка было не под силу. Он как-то сразу обмяк, совершенно протрезвел и засобирался в свой номер.

— Мне, старику, уже пора спать... Ну надо же такое наговорить на себя, Василий Павлович, — бросил он последний умоляющий взгляд на Аксенова и пошел к выходу.

Диалог этот развеселил нас, но скоро и мы разошлись по номерам, утром рано они улетали в Москву, а я еще оставался во Фрунзе, чтобы попы-

Ал. МИХАЙЛОВ

времени «детей» XX съезда, вызывавший немалое беспокойство властей предрержащих, может позволить себе идеологические вольности, и на заключительной встрече с читателями в библиотеке, где они выступали, был очень напряжен. И был просто-таки счастлив, когда все закончилось без «идеологических срывов».

Мы все вместе поехали в привилегированную загородную гостиницу, где был хороший буфет, и устроили себе роскошный ужин. Петр Устинович (а мы с ним впервые познакомились, я тогда работал инструктором отдела культуры ЦК) то и дело поглядывал на меня: так ли, мол, все происходит, и время от времени спрашивал: «Ну как, по-моему, хорошо провели совещание? И ребята наши оказались молодцами?» И, услышав мое согласие с его оценкой, совсем приободрился, растрогался и обратился к Аксенову, прямо скажем, с несколькими неожиданным предложением:

— Василий Павлович, — он по-белорусски жестко произнес звук «ч». — Вы такой талантливый писатель, вас так любят читатели, у нас с вами общие цели, вам надо вступить в коммунистическую партию...

Аксенов, которого трудно чем-либо озадачить, хотя и не выказал внешне своего удивления, но все же выдержал некоторую паузу, прежде чем сказать:

— Ну что вы, Петр Устинович, я не подхожу для этого...

— Как это не подходите? — пылко возразил Бровка. — Вы так прекрасно выступали, идеологически выдержанно... Да вы, — взгляд в мою сторону, — очень даже подходите. Из вас выйдет настоящий коммунист!

Аксенов уже уловил ситуацию и настроился на иронический лад:

— Нет, Петр Устинович, это слишком почетно для меня, я не заслужил. — И, помедлив немного и как бы стыдясь признаться, явно уже играя, добавил: — И потом самое главное — я ведь не признаю социалистический реализм.

Тут у Бровки на лице появилось выражение, когда впрору было ожидать,

таться реабилитировать смутившего умы потомков неясными идеологическими позициями Молдо Клыча. Утро было ветреное, холодное. Я провожал «бригаду». В аэропорту Бровка отозвал меня в сторону и как-то очень озабоченно заговорил:

— Александр Алексеевич, ведь вчера Василий Павлович несерьезно, в шутку говорил, что он не признает социалистический реализм, что у него есть расхождения с коммунистической партией, ведь он с правильных идейных позиций здесь выступал?

Я успокоил Петра Устиновича, сказал, что, конечно, это была шутка. Через некоторое время, кажется, в связи с юбилеем или выходом новой книги, я написал о Бровке, он был хорошим поэтом. Петр Устинович позвонил мне из Минска, поблагодарил и очень тепло вспоминал о нашей встрече в Киргизии.

...Еще один киргизский сюжет преподнес Чингиз Айтматов. Он пригласил всех нас в загородный ресторан и к обеду киргизской кухни, как бы на десерт, представил знаменитого манасчи (исполнителя «Манаса») Саякбая Каралаева. Я слышал от киргизских поэтов, что это не самый выдающийся манасчи, что на этом поприще блистали просто необыкновенные таланты — хранители и исполнители эпоса «Манас». Но старик Каралаев произвел на нас сильное впечатление. Я помню, как он читал эпизод то ли скачек, то ли погони на лошадях, и нарастающая сила ритма передавалась столь выразительно, захватывая, что мы просто замерли на своих местах, явственно представляя себе эту картину, хотя не знали языка, не понимали слов. Тогда, помню, Аксенов нашел в ритмике, в мелодическом рисунке этого отрывка то ли синкопы негритянского джаза, то ли что-то еще.

...А Молдо Клычу помочь не удалось. Может быть, в наше время киргизы простили ему идеологические заблуждения? Или теперь это уже не заблуждения?..

Ал. МИХАЙЛОВ